

Максимин

КАРЬЕРИСТ

Максимиан - Карьерист

<https://litres.ru/74238019>

Аннотация

Забудьте всё, что вы знали о некромантии. Чёрные свечи, пентаграммы и армии скелетов — это вчерашний день. Сегодня прибыль лежит в правильном управлении посмертными активами. Я был никем, теперь я — лучший выпускник Академии «Сумрак». Почему? Потому что я увидел в смерти не конец, а переход на удалёнку. Это руководство по тому, как превратить вечный покой в процветающий бизнес. Готовы ли вы к новой, эффективной вечности?

Содержание

От автора	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	53
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

От автора

Дорогой читатель,

Прежде чем ты погрузишься в мрачные своды «Сумрака» и начнёшь свой путь с Джеральдом по лабиринтам посмертного менеджмента, позволь мне кое-что прояснить.

Мир, который ты держишь в руках, — плод моей фантазии. Все эти некроэкономические схемы, астральные аудиты и духи на трудовых договорах — всего лишь игра ума, аллегория, построенная из теней и чернил. Я с величайшим уважением отношусь к тайне жизни и смерти, к тем непознанным границам, что лежат за её пределами. Я — писатель, а не медиум; я создаю персонажей и сюжеты, а не общаюсь с потусторонним.

Ни один персонаж этой книги не имеет прототипа в настоящем мире. Это вымысел. Моё воображение пыталось придать форму тому, что по своей природе не имеет формы, и дать голос тому, о чём мы можем лишь молчать.

Самое важное: я не претендую на знание того, что ждёт нас после. Эта книга — не руководство, не откровение и уж тем более не попытка вторгнуться в священную тишину чужого покоя. Это история о нас, живых: о нашей тяге к порядку, о страхе перед хаосом, о соблазне всё систематизировать.

Так что, пожалуйста, читай это как притчу, отражающую наши собственные мирские страсти и заблуждения. Все

сходства с реальными мирами, загробными или иными, случайны и непреднамеренны.

А что до душ — пусть их путь остаётся их тайной. Моя же задача — лишь рассказать хорошую историю.

С уважением, Максимиан.

Глава 1

Пахло пылью, старой бумагой и тишиной.

Не просто отсутствием звука, а тишиной выдержанной, густой и плотной, как дорогой сыр с плесенью, настоящий на столетиях забытых мыслей и угасших страстей. Я, Джеральд, обожал эту тишину. Она была не пустотой, а наполненным пространством, где каждый шорох, каждый скрип старого дерева обретал вес и значение. Библиотека «Архив Теней» была не просто моим местом работы вот уже много лет; она была моим щитом от мира, коконом из пергамента и тлена, где реальность смягчалась, фильтровалась через призму строк и мифов.

Мир за толстыми витражными окнами, расплывавшийся в дожде и тумане кривых улочек Нижнего Города, казался слишком громким, слишком резким, слишком... беспорядочным. Здесь же, среди бесконечных стеллажей, подпирающих сводчатый потолок, испещренный фресками забытых созвездий, царил идеальный, каталогизированный хаос. Здесь я был не просто хранителем. Я был картографом царства мёртвых идей.

Моими единственными собеседниками десятилетиями были пауки, скребущиеся в переплетах, и мыши, грызущие страницы. Я не просто терпел их соседство; я изучал его. Я узнал по скрипу лапок разновидность паука-охотника, посе-

лившегося в третьем томе «Анналов Кровавых Войн», и по тихому пisku – большую семью рыжих мышей, обосновавшихся за панелями в отделе садоводства. Я знал их циклы, их привычки, их тихие драмы.

А потом я научился слышать больше. Слышать тихий звон угасания, едва уловимый разрыв нити, когда крохотное сердце под серой шёрсткой замирало навсегда. Однажды, инстинктивно, отчаянно не желая терять это знакомое, почти дружеское присутствие, я... подул на него. Не просто воздухом. Чем-то иным. Частицей собственного внимания, вытянутой, как паутинка, из той тёмной, тихой кладовой внутри, о которой никогда никому не говорил. Мышка дёрнула лапкой. Вдохнула. Её крохотные чёрные глазки, затянутые пеленой, прояснились, но не ожили – в них засветился тусклый, холодный огонёк послушания. Она встала и пошла обратно к гнезду, к выводку, который уже начал холодеть. И я повторил то же с ними. Не жизнь. Не настоящая жизнь. Но движение. Целеустремлённость. Исчезла паника смерти, осталась лишь тихая, упорядоченная функция.

Это было интимнее любого человеческого контакта. Шепот души – не их, а моей, отданный в долг. Крохотная искра, зажжённая в хрупком тельце, чтобы восьминогий ткач продолжил плести свою идеальную, геометрически безупречную сеть в углу витражного окна, где солнечный свет разлагался на кроваво-красные и скорбно-синие лучи. Чтобы серая мать снова грела детёнышей, даже если молока в ней уже

не было. Это было искусство. Тайное, тихое, никому не нужное и от того ещё более драгоценное. Моё.

Великие некроманты, о подвигах которых я читал в книгах, призывали армии костяных воинов, беседовали с духами тиранов, оспаривали у самой Смерти её добычу. Я же возвращал к подобию существования падалыщиков книг. Мне этого хватало. Вернее, хватало до того самого дня.

Он пришёл, когда лил осенний дождь, стучащий по свинцовым крышам, как костяные пальцы. Библиотека была пуста, как склеп. Я копался в отделе «Пограничные состояния: Астрал и Эфир», разыскивая для одного навязчивого алхимика манускрипт о свойствах фантомных металлов. В тишине, нарушаемой лишь моим дыханием и вечным шуршанием моих... подопечных, я услышал новый звук. Твёрдый, мерный стук каблуков по каменному полу. Неспешный, властный. Я выглянул из-за стеллажа.

Он казался инородным телом в моём заповеднике тишины. Высокий, прямой, в длинном плаще из тёмного, отливающего синим бархата, от которого исходил лёгкий пар – будто холод шёл от него самого, а не с улицы. Его лицо с резкими, аристократическими чертами и седыми висками было бесстрастно, но глаза... Глаза цвета старого льда, пронизывающие, оценивающие, выхватывали детали в полумраке: разбитую плитку, пыль на карнизах, меня.

— Трактат Варрона «Анатомия астрального тела», издание с комментариями Малакла, — произнёс он. Голос был

бархатным, глубоким, и в нём звучала привычка к тому, что его слушают. — Где найти?

Я кивнул, безмолвно указывая путь в дальний зал, к железной винтовой лестнице, ведущей на галерею запретного отдела. Он прошёл мимо, и я почувствовал запах — дорогой табак, сухая полынь и озон, словно после близкой грозы. От него веяло силой, иной, чем грубая мощь солдат или магическая надменность чародеев. Это была сила контроля. Над собой, над пространством, над... обстоятельствами.

Я вернулся к своему занятию, но спокойствие было нарушено. Его присутствие висело в воздухе, как наэлектризованность перед ударом молнии. Через полчаса те же мерные шаги раздались с галереи. Он спускался, держа в руках массивный фолиант в потрёпанной коже, чьи застёжки, как мне было известно, были сделаны из позвонков неназванного существа. Он прошёл к выходу, но у самого порога остановился, его взгляд упал на угол высокого окна.

Там, в переплетении свинцовых рам, висела прекрасная, почти законченная паутина крестовика. И в её центре, неподвижный, с поджатыми лапками, висел её архитектор. Мёртвый. Оборванная ветром нить, холодная ночь — причина не важна. Важен был факт: совершенство, прерванное на самом интересном месте. Бездумно, движимый чисто эстетическим импульсом, я протянул руку. Не к пауку, а к пространству вокруг него. Выдохнул. Не воздух. Ту самую нить из тёмной кладовой, тонкую, как мысль, холодную, как могильный

март. И направил её в хрупкое тельце, в его застывший нервный узел, в память мускулов о движении.

Паук дёрнулся. Медленно, неуверенно расправил лапки. Потянул шелковинку. Продолжил плетение. Идеальный круг снова обретал целостность.

— Любопытно, — раздался бархатный голос прямо у меня за спиной.

Я вздрогнул так сильно, что едва не порвал незримую связь. Я не слышал его возвращения. Он стоял в двух шагах, его ледяные глаза пристально наблюдали за пауком, а потом медленно перевели взгляд на меня.

— Без чёрных свечей. Без инкрустаций из кошки, умершей в полнолуние. Без даже намёка на вербальную формулу или соматический компонент. Чистая, голая воля, направленная через... что? Сожаление о неоконченной работе? Эстетическое неприятие хаоса? — Он сделал паузу, и в его глазах вспыхнул интерес, холодный и острый, как скальпель. — Растрчиваете редкий талант на членистоногих, молодой человек.

«Молодой человек». Мне было тридцать три. Но перед ним я чувствовал себя юнцом, застигнутым за ребячеством.

— Это... это не растрата, — выдавил я, и мой голос, привыкший лишь к шепоту в залах, прозвучал хрипло и неуверенно. — Это уважение. К труду. К форме. Даже к такому малому.

Профессор Алоизий Морвент — я позже узнал его имя

и титул, Некромант Седьмого Кольца, Заведующий кафедрой Танатопраксеологии Академии «Сумрак» — усмехнулся. Это была недобрая усмешка.

— Сентиментально, — произнёс он, и слово прозвучало как приговор. — Смерть не оценит вашего уважения. Она не ценит ни красоты паутины, ни заботы мышиною матери. Смерть — это конвейер. Монотонный, безостановочный, пожирающий всё на своём пути. Большинство людей — и большинство некромантов — лишь шестерёнки на этом конвейере, одни обслуживают его своим страхом, другие — своими бесплодными попытками его обмануть. — Он сделал шаг ближе, и запах озона стал острее. — Но есть и другая позиция. Позиция управляющего. Того, кто видит конвейер целиком, кто знает, как смазать его части, ускорить одни процессы, замедлить другие и... извлекать из него прибыль. Не сентиментальную, а очень даже осязаемую. Хотите?

В его вопросе звучала не просто возможность. Звучал вызов и искушение.

Я хотел. О, Боги забытых страниц, как я хотел! Всю свою жизнь я прозябал среди результатов чужого знания, каталогизируя следы великих умов. Я грезил запретными фолиантами, к которым даже не смел прикасаться, кроме как для протирки пыли. Я представлял себе некромантию как высшее из искусств — уединённый диалог с вечностью, пение древних заклинаний над раскрытыми могилами под одиноким месяцем, тихие беседы с тенями веков, хранящими муд-

рость, недоступную живым. Я видел себя отшельником-артистом, аскетом, постигающим великую и ужасную Тайну за гранью бытия. И вот один из титанов этого пути стоял передо мной и предлагал... управление конвейером?

Но он видел дар. То, что я сам считал тихим помешательством, он назвал талантом. Чистая воля. Мой щит — моя одержимость порядком — мог стать оружием.

— Да, — прошептал я, и голос мой окреп. — Хочу.

Морвент достал из складок плаща не свиток, не медальон, а простую, элегантную визитную карточку из плотного пергамента. На ней не было ничего, кроме имени, титула и адреса: Академия Предельных Искусств «Сумрак», Чёрный Шпиль.

— Приходите на вступительное испытание завтра, после заката, — сказал он. — Ваша рекомендация это вы сами. Не подведите моё... любопытство.

Он развернулся, и его плащ взметнулся, на мгновение поглотив свет единственной лампы. Когда тень отступила, он уже был у двери, а потом и за ней. Остались лишь вибрации в воздухе, запах грома и мёртвый паук в углу, который, закончив круг, замер в центре своей идеальной сети, больше не движимый моей волей, а просто застывший украшение. Я подошёл, дотронулся до него пальцем. Хрупкое тельце рассыпалось в горстку серой пыли. Искра ушла.

На следующий вечер, оставив ключи от библиотеки растерянному подмастерью, я отправился в Чёрный Шпиль. Моё

сердце, тридцать пять лет бившееся ровно и тихо, как часы в читальном зале, стучало молодо и глухо, предвкушая тайны. Я шёл за знанием. За искусством. За призванием.

Я не знал тогда, что иду на первую в своей жизни бизнес-презентацию.

А где-то в глубине, в той самой тёмной кладовой души, из которой я тянул нити для мышей и пауков, что-то едва уловимо пошевелилось, почуяв иной, куда более масштабный хаос, ждущий своего упорядочивателя.

Глава 2

Путь к Чёрному Шпилю был уроком сам по себе. Академия «Сумрак» не красовалась на холме, не поражала злобными башнями, утыканными черепами. Она пряталась. Я прошёл через лабиринт промозглых дворов, мимо спящих на ступенях изваяний стражей с выщербленными лицами, миновал арку, с которой непрестанно капала ржавая вода, словно точильный камень веков. И только потом, в тупике, за не приметной дубовой дверью, обитой железом, обнаружил лифт. Не кабину, а просто металлическую платформу, уходящую в чёрную бездну шахты. Рядом не было ни таблички, ни сторожа. Лишь маленькая бронзовая пластинка с выгравированными словами: «Смерть ждёт. Оптимизируй её ожидание».

Лифт двинулся вниз со скрипом, но не падал, а медленно, неумолимо погружался в землю. Воздух становился холоднее, гуще, пахнувшим влажным камнем, озоном и чем-то ещё — сладковатым, приторным запахом тления, замаскированным под дорогие благовония. Света не было, лишь бледное сияние, исходившее, казалось, от самых стен, покрытых странными мерцающими лишайниками.

Платформа остановилась. Передо мной открылся коридор, освещённый голубоватыми светящимися шарами, плавающими под потолком. Стены были отполированным ба-

зальтом, на них через равные промежутки висели не гербы и не портреты великих некромантов прошлого, а графики, диаграммы и схемы. Кривые роста «популяции неупокоенных», карты «астральных геопатогенных зон», пирамиды потребностей духов (базовые: безопасность, подпитка воспоминаниями; высшие: самореализация, социальное признание среди себе подобных).

По коридору сновали студенты. Никаких рваных мантий и иссохших лиц. Девушка с бледной, как у фарфоровой куклы, кожей и острыми клыками, одетая в строгий костюм-двойку цвета воронова крыла, с хрустальным планшетом в руках, что-то быстро на нём набирала. Парень, от которого веяло холодом могилы и дорогим одеколоном, с перстнем-печаткой на пальце, обсуждал с тучным, лысеющим мужчиной в очках «ликвидность костных останков на чёрном рынке Ал-Хазира». Я стоял, чувствуя себя реликтом, затерянным экспонатом в отделе «Архаичные методы».

— Джеральд? — раздался знакомый бархатный голос. Из тени бокового проёма вышел Морвент. На нём не было плаща, только безупречный тёмно-синий костюм, под которым угадывалась атлетическая стать. Он выглядел не колдуном, а преуспевающим деканом элитного университета. — Идём. Ваша группа уже почти в сборе.

Он повёл меня дальше, не обращая внимания на моё ошеломление. — Первое, что вы должны понять: романтика — это неоплачиваемый сверхурочный труд. Страх — неконвер-

тируемая валюта. То, чем вы занимались в библиотеке, — это хобби. Милое, но бесперспективное. Здесь мы превращаем хобби в профессию. В индустрию.

Мы остановились у массивной двери из чёрного дерева с серебряной табличкой: «Аудитория №7. Основы некроэкономики и управления посмертными активами. Проф. А. Морвент».

Внутри не было готических сводов, жаровен с синим пламенем или алтарей из черепов. Аудитория, высеченная в скале, напоминала современный лекционный зал. Ряды удобных кресел с откидными столиками смотрели на слегка приподнятую сцену, где вместо кафедры стоял полированный чёрный подиум. За спиной лектора висело огромное полотно из застывшего тумана — экран. По бокам парили светящиеся доски, на которых сами собой появлялись и стирались формулы и заметки. В центре потолка висел массивный кристалл, проецировавший на пол мягкий, деловой свет.

Зал был заполнен на две трети. Я увидел ту самую вампирессу, она сидела в первом ряду, её алые ногти отстукивали ритм по хрустальному планшету. Тучный алхимик с человеческими фалангами вместо костяшек на счётах устроился сбоку, его маленькие глазки бегали по залу, оценивая. Был и худой юноша с тёмными кругами под глазами, в одежде, от которой пахло формалином, и девушка с зелёными, как болотная тина, волосами, перебирающая чётки из высушенных лягушачьих лапок. Все они были разными, но в их позах, во

взглядах читалось одно: голод. Не к запретному знанию, а к возможностям.

— Садитесь, — указал Морвент на свободное место позади вампирессы. Я пробрался, чувствуя, как на мне горит мой поношенный, пахнувший нафталином плащ библиотекаря.

Морвент взошёл на подиум. Он не произнёс никаких заклиний, не сделал драматической паузы. Он просто посмотрел на зал, и тишина наступила сама собой, тяжёлая и полная ожидания.

— Добрый вечер, — начал он, и его голос, усиленный почти незаметным усиком у рта, заполнил каждый уголок зала, обволакивая, гипнотизируя. — Для большинства из вас сегодняшний день — начало. Начало пути от дилетанта-романтика к профессионалу-прагматику. Забудьте сказки о зловещих ритуалах в полночь, о шепотах из могил и о власти над ордами невымытых скелетов. Всё это — любительский театр. Реальность, — он щёлкнул пальцами, и на экране за его спиной вспыхнуло изображение, — выглядит так.

Это был астральный план. Но не в мистическом, а в почти техническом изображении. Туманные сгустки энергий разных цветов и плотностей были размечены, как карта. Одни зоны светились ровным, тусклым светом — «зоны стабильного покоя, низкий потенциал». Другие клокотали, пульсировали кроваво-красным и ядовито-зелёным — «очаги неконтролируемой скорби и агрессии, высокие риски, высокий потенциальный доход». По всей карте были раскиданы

мигающие точки — «незарегистрированные духовные сущности (НДС)», и тянущиеся, как шрамы, линии — «стихийные коридоры памяти, неэффективное использование ресурса».

— Взгляните! — голос Морвента стал жёстче. — Хаос! Анархия! Колоссальные потери энергии, времени и, что самое главное, прибыли! Незарегистрированные духи-бомжи, которые не платят астральных налогов и создают социальную напряжённость. Стихийные геопатогенные зоны скорби, которые обесценивают недвижимость в радиусе пяти кварталов. Неконтролируемые утечки памяти, создающие помехи в работе телепатов и провидцев. Это — наш рынок. Рынок, на котором спрос рождается буквально каждую секунду. Но предложение? — Он снова щёлкнул пальцами. Карта сменилась на график: кривая спроса взлетала вверх, а предложение еле-еле ползла по низу. — Предложение отстаёт катастрофически. Потому что его создают такие же романтики, как вы пол часа назад. Которые думают о «величии смерти», а не о логистике, масштабировании и клиентоориентированности.

Я сидел, онемев. Мои представления о некромантии, выстроенные за годы чтения, с треском рушились, как гнилой переплёт. Рядом аристократка-вампиressa кивала, делая быстрые заметки в своём дорогом блокноте из кожи некоего экзотического существа. Тучный алхимик что-то жадно подсчитывал на своих жутких счётах, его губы шевелились:

«...прибыль с квадратного метра астрала...»

— Ваша задача на этом курсе, — продолжал Морвент, расхаживая по подиуму, — научиться не вызывать мёртвых. Любой деревенский колдун с грошем в кармане сможет поднять скелет. Ваша задача — создать для этого скелета рабочее место. Превратить блуждающую скорбь в продукт. Упаковать вечный ужас в привлекательную франшизу. Смерть — это индустрия, — он остановился и посмотрел прямо в зал, его ледяные глаза выхватывали каждого. — Крупнейшая, стабильнейшая и, увы, на данный момент катастрофически неэффективная. Мы будем исправлять это. С вашей помощью.

Он поднял руку, и на экране появился список.

— Домашнее задание на первую неделю. Каждый из вас выбирает одно кладбище или место массового захоронения в Нижнем Городе. Проводит полный аудит. Картируете физическое состояние: целостность оград, состояние памятников, проходимость дорожек. Далее — астральный аудит: плотность духовного населения, преобладающий эмоциональный фон, наличие «шумных» или «депрессивных» НДС. И, наконец, анализ бизнес-потенциала. Выявляете точки неэффективного использования пространства — как физического, так и эфирного. Предлагаете меры по монетизации остаточных эмоций призраков. — Он сделал паузу, чтобы слова повисли в воздухе. — Пример: зона тихого горя у могил молодых матерей. Можно продавать «сгущённые слёзы раская-

ния» алхимикам. Или организовать «сеансы дистанционного материнства» для бездетных пар — дух матери на час «приглядывает» за астральным проекцией ребёнка. Кто создаст лучшую франшизу модели «Вечный покой плюс» — получит бонусные баллы и, возможно, внимание реальных инвесторов.

В груди у меня что-то сжалось, превратившись в холодный, тяжёлый камень. Кошунство. Это было циничное, мерзкое, утилитарное кошунство. Они хотели превратить священный ужас перед небытием, тихую скорбь у могил, самую сокровенную тайну мироздания — в бизнес-план. Я почувствовал тошноту. Я пришёл сюда не для этого. Я пришёл за искусством, за тайной, за...

— Вопросы? — спросил Морвент.

Молчание. Никто не задавал вопросов о морали, о смысле. Спрашивали о методиках измерения «эмоционального шума», о юридических тонкостях заключения контрактов с бесплотными сущностями, о примерной рентабельности.

Я не задал вопросов. Я просто сидел, пытаюсь склеить обратно свои разбитые иллюзии. А потом, когда лекция закончилась и студенты начали расходиться, обсуждая, кто какое кладбище «застолбит», Морвент спустился с подиума и подошёл ко мне.

— Ну что, мистер Джеральд? Шокированы? — В его голосе звучала лёгкая, почти отеческая насмешка.

— Это... это не то, чего я ожидал, профессор, — выдавил

я.

— Ожидания — главный враг эффективности, — парировал он. — Вы ожидали свечей и заклинаний. А получили диаграммы и бизнес-кейсы. Но скажите, разве процесс, который вы наблюдали в библиотеке, когда возвращали к «жизни» паука, был менее эффективен от того, что вы не использовали ритуальный кинжал?

— Это было иначе. Это было... личное.

— Личное не масштабируется, — отрезал Морвент. — Ваш дар — видеть функцию там, где другие видят только конец. Вы видели не мёртвого паука, а незаконченную паутину. И нашли способ завершить процесс. Здесь — то же самое. Только масштаб больше. Кладбища — это незаконченные паутины человеческих судеб. Кто-то видит в них только груды камней и костей. Мы же с вами увидим... потенциал.

Он положил мне на плечо руку. Холод его пальцев просочился сквозь ткань.

— Выберите кладбище. Проведите аудит. Не как романтик, а как... библиотекарь. Систематизируйте. Разложите по полочкам. А потом посмотрите, что можно с этой системой сделать. Доверьтесь своему дару к порядку.

Он ушёл, оставив меня одного в огромной, холодной аудитории. На экране ещё светилась последняя схема: «Цикл преобразования скорби в капитал». Я смотрел на неё, и в душе бушевало смятение. Но под ним, глубже, в той самой тёмной кладовой, уже шевелилось что-то новое. Не возму-

щение, а... любопытство. Вызов.

Он сказал: «Разложите по полочкам».

А что, собственно, я делал всю жизнь, как не это?

Я вышел из Академии в предрассветный час, когда тусклый свет едва пробивался через вечный смог Нижнего Города. И вместо того чтобы идти домой, я свернул к ближайшему погосту — «Саду Упокоения». Я стоял у ржавых ворот и смотрел не на кресты и ангелов, а на пространство. На кривые дорожки, на скученность могил, на чахлые деревья. Я вслушивался не в тишину, а в звук. И постепенно начал слышать. Не голоса, а... вибрации. Тонкий, высокий писк незалеченной детской боли из старого колумбария. Глухое, монотонное бормотание уныния над рядом солдатских могил. Визгливый, беспорядочный поток обид из сектора самоубийц.

Хаос. Неупорядоченный, расточительный, шумный хаос.

Где-то в глубине моего существа, привыкшего к идеальным рядам книг и тихому жужжанию систематизированной жизни, что-то дрогнуло. Не от ужаса. От раздражения.

Здесь не было ни искусства, ни тайны. Здесь был плохо организованный архив. И мои пальцы, сами собой, потянулись к блокноту в кармане.

Глава 3

Я провёл в «Саду Упокоения» три ночи. Днём спал урывками в своей каморке в библиотечных подвалах, а с заходом солнца возвращался на погост, вооружившись дешёвым блокнотом, карандашом и старым карманным компасом, стрелка которого дёргалась, реагируя на астральные течения.

Сначала я действовал как геодезист. Начертил примерный план кладбища, разделил его на квадраты. Квадрат А: старые семейные склепы, дорогие памятники из чёрного мрамора. Квадрат В: рядовые могилы ремесленников и мелких торговцев. Квадрат С: безымянные холмики, братские могилы, сектор самоубийц за полуразрушенной стеной. Квадрат D: колумбарий, уродливое бетонное сооружение, испещрённое ячейками.

Затем начался подсчёт, но не могил. Я считал сущности. Пригодились навыки, отточенные на мышах и пауках — умение ощущать слабый, холодный свет жизни, которого не было в живых, но который отличал активного призрака от просто мёртвого места. Я отмечал в блокноте: «Квадрат А-3: сильное, стабильное свечение (возможно, дух с сильной привязанностью к памятнику). Квадрат В-7: множественные слабые, перемешанные сигналы (наложение остаточных эмоций, низкая индивидуальность)». Записывал температу-

ру (карманный термометр показывал аномальные перепады), влажность воздуха (в некоторых местах она конденсировалась в ледяную росу на паутине) и даже пытался классифицировать «эмоциональный фон» по собственной шкале: «Тихая скорбь», «Спокойное забвение», «Тревожное томление», «Острая боль/ярость».

На третью ночь я рискнул на более тесный контакт. В квадрате С, у самого края стены, я нашёл источник того самого визгливого потока обид. Это была безымянная могила, отмеченная лишь сгнившим деревянным колом. Земля над ней была холоднее окружающей на добрых десять градусов. Я сел на корточки в двух шагах, закрыл глаза и не стал ничего «выдёргивать» из себя, как с пауком. Вместо этого я открыл ту самую «кладовую» и просто слушал.

Сначала был только шум — какофония неоформленных чувств: обида на любовницу, бросившую его, злость на кредиторов, страх перед судьёй, стыд перед семьёй. Хаос. Но постепенно, с усилием, подобным расстановке книг по неочевидной, но внутренне логичной системе, я начал разделять потоки. Я не слышал слов, но улавливал узоры. Повторяющиеся всплески одного и того же страха, закольцованная спираль гнева. Это был не разум. Это была запись, заевшая пластинка самой горькой части жизни, проигрываемая вечно.

Я открыл глаза. В блокноте уже были пометки: «Квадрат С-12. Сущность: мужчина, средних лет. Причина смер-

ти: насильственная. Доминирующая эмоция: обида, чувство несправедливости. Потенциал: высокий (сильный, нерастраченный эмоциональный заряд). Риски: создаёт зону «эмоционального заражения», распространяет уныние на соседние могилы (см. данные по С-11, С-13)».

Это был не призрак. Это была проблема. Как всякая проблема, она требовала решения.

На следующей лекции Морвент разобрал кейс. На экране возникло изображение ухоженного, но пустынного кладбища «Безмятежные Сны» в престижном районе.

— Стандартная ситуация, — голос профессора был сух и деловит. — Приличное место, хорошая инфраструктура. Но посещаемость живыми ниже среднего. Доходы от ритуальных услуг падают. Причина? — Он щёлкнул пальцами. На диаграмме вспыхнули красные зоны. — Астральный дискомфорт. Местные призраки, преимущественно из высшего сословия, умершие от скуки и подагры, сами пребывают в состоянии глубокой скуки. Они не злые, они... апатичны. Эта апатия просачивается в материальный план. Возникают петли неприятных, унылых воспоминаний у посетителей, лёгкая, но постоянная головная боль, желание поскорее уйти. Трафик падает. Доходы падают.

Он обвёл зал ледяным взглядом.
 — Стандартные, любительские решения? Заклятья изгнания. Дорого, временный эффект, портит репутацию места — кто захочет хоронить родных там, где «выгоняют» духов? Насильственная

реинкарнация. Ещё дороже, этически сомнительно, ведёт к безвозвратной потере «рабочих единиц». Ваши предложения?

В зале зашевелились. Вампиресса, которую звали Лиресса, подняла руку.

— Можно создать искусственные «точки интереса» на астрале. Зоны накопления приятных воспоминаний, импортированных из других мест. Отвлечь их.

— Затратно на поддержание, — тут же парировал Морвент. — Следующий.

Тучный алхимик, Барнаби, хмыкнул.

— Продавать амулеты «защиты от скуки» живым посетителям. Двойной доход.

— Лечение симптомов, а не болезни. Создаёт зависимость от продаж амулетов. Не масштабируемо.

Предлагали «астральные развлечения», «призрачный театр», «подсадку» более активных духов. Всё было либо слишком дорого, либо слишком сложно, либо просто глупо.

И тут в моей голове, годами отлаженной на каталогизации и систематизации, где каждая книга должна стоять на своём месте и быть потенциально полезной, щёлкнуло. Я видел перед собой не духов, а незанятых сотрудников. Видел не проблему скуки, а проблему управления человеческими точнее, посмертными ресурсами. Мой голос прозвучал хрипло, я не привык говорить на публику, но слова вырывались сами, подгоняемые внутренней ясностью.

— Профессор.

Все обернулись. Морвент медленно перевёл на меня свой ледяной взгляд, в котором мелькнул интерес.

— Мистер Джеральд. Говорите.

— А если дать им работу?

В аудитории повисла насмешливая тишина. Кто-то сдержанно фыркнул. Барнаби ухмыльнулся своими жирными губами.

— Работу? Призракам? Они же бесплотные, сэр. Что они могут делать? Пугать ворон?

— Они скучают, — сказал я твёрже, игнорируя насмешки. В уме уже складывалась схема, чистая и элегантная, как библиотечный каталог. — У них есть нереализованные при жизни навыки, привычки, паттерны поведения. Плотник-самоубийца, который лежит на вашем кладбище в квадрате С... почему он должен вечно переживать момент своей смерти? Пусть ремонтирует ограды. Не физически, конечно. Но его знание о дереве, его мышечная память — они остались в астральном следе. Можно направить эту энергию на укрепление астрального каркаса деревянных изгородей, что снизит затраты на их материальный ремонт. Старая учительница, которая тоскует по детям... пусть ведёт краеведческие экскурсии для привидений-детей или даже для живых, через медиума. Мы создаём систему поощрений — не деньги, а астральные «бонусы»: более плотные, яркие контакты с миром живых в специально отведённые часы, доступ к «библиотеке»

приятных воспоминаний, собранных с других мест. Это снимет напряжение, повысит лояльность духов к месту их упокоения, и... — я сделал паузу, — создаст уникальное торговое предложение.

Я поднял глаза на Морвента. Он смотрел на меня не мигая.

— Какое? — спросил он тихо.

— «Самое оживлённое кладбище королевства», — произнёс я. — Буквально. Место, где мёртвые не томятся, а заняты. Где живой, пришедший навестить прах предка, может не только погрустить, но и получить услугу. Узнать историю места от первого лица. Заказать у духа-сапожника талисман на удачу в дорогу, заряженный его мастерством. Отдать дань уважения не молчаливым камням, а всё ещё полезному обществу. Это не кладбище. Это парк памяти с живым, интерактивным наполнением.

Тишина в зале стала иной. Густой, заинтересованной. Насмешки исчезли. Лиресса смотрела на меня с пересчитавшим интересом. Барнаби замер, его мозг, очевидно, уже подсчитывал потенциальную прибыль с такого «парка».

Морвент улыбнулся. Это была не отеческая улыбка. Это была ухмылка акулы, почуявшей в воде кровь, или, точнее, гениальную бизнес-идею.

— Блестяще, — произнёс он, и слово прозвучало как приговор и награда одновременно. — Просто. Эффективно. Масштабируемо. Вы берёте нересурс — томящихся духов —

и превращаете его в актив. Вы не боретесь с симптомом (скукой), а меняете сам ландшафт проблемы. Мистер Джеральд, — он медленно кивнул, — вы прирождённый менеджер. Не некромант. Менеджер.

Это было ужасно. Это было цинично. Это попирало всё, ради чего я, как мне казалось, пришёл сюда. Но это было гениально.

Ведь это работало. В моей голове уже крутились детали. Нужно было разработать систему «трудовых договоров» с духами, прописать «должностные инструкции», создать «отдел кадров» из более сообразительных призраков, наладить «обратную связь»...

Азарт, холодный и острый, как лезвие бритвы, начал подниматься во мне, затмевая первоначальное отвращение. Я не просто предлагал идею. Я видел систему. Желание построить её, отладить, заставить работать без сбоев, было сильнее любых сантиментов.

— Ваша концепция, мистер Джеральд, — продолжал Морвент, — будет взята за основу для нашего следующего практического задания. Все получают по «проблемному» призраку. Ваша задача — разработать для него индивидуальный план «трудоустройства» и «социальной адаптации». Срок — две недели. Оценки будут ставиться по критериям эффективности, экономической целесообразности и креативности.

После лекции ко мне подошла Лиресса. Её красные глаза изучали меня с безжалостным любопытством хищницы.

— Неплохо, библиотекарь, — сказала она. — Примитивно, но с потенциалом. Думаешь, они согласятся? Работать?

— У них нет выбора, — ответил я, и мои собственные слова слегка напугали меня своей безэмоциональностью. — Они застряли в петле. Работа это просто другая петля. Более продуктивная.

Она усмехнулась, обнажив клыки.

 — Прагматично. Мне нравится. Если понадобится помощь с убеждением неговорчивых единиц, обращайся. У меня есть способы создать мотивацию.

Я кивнул, не зная, что сказать. Барнаби похлопал меня по плечу жирной ладонью.

— А насчёт монетизации... я тебе потом пару идей подкину. Например, можно продавать «опыт общения с мастером прошлого». Богатым чудакам, коллекционерам. Дорого.

Я шёл обратно в свою конуру, и мир вокруг изменился. Я больше не видел просто улицы, дома, людей. Я видел потоки: потоки живых, торопливых и шумных, и потоки мёртвых, тихих и беспорядочных. Я видел кладбище не как сад тихих драм, а как заброшенный завод, где станки (духи) простаивают, а сырьё (эмоции, память) гниёт на складах.

Глава 4

Следующие месяцы пролетели в вихре графиков, отчётов и астральных собеседований. Академия «Сумрак» оказалась безжалостной кузницей кадров для индустрии смерти. Мы изучали не только теорию призыва, но и «Астральное право: наследование имущества бесплотными сущностями», «Основы некро-маркетинга: как продать идею вечного покоя поколению, живущему одним днём», «Логистика и распределение останков: от трупа до полезного компонента».

Я, к собственному изумлению, преуспевал. Мой скучный, методичный ум, десятилетиями варившийся в тишине библиотеки, оказался идеальным инструментом для деконструкции самой поэтической и ужасной из тайн. Смерть перестала быть загадкой. Она стала набором переменных, процессов, проблем с управлением.

Мой первый практический проект — «трудоустройство» духа обиженного плотника-самоубийцы с кладбища «Сад Упокоения» — получил высший балл. Я не просто дал ему работу по «укреплению» астрального каркаса оград. Я разработал целую карьерную лестницу. За качественную работу он получал «бонусные очки», которые мог обменять на «сеансы воспоминаний» — я находил старые фотографии плотничьих работ, газетные заметки о мастерах, и через медиума-первокурсника транслировал ему эти образы, насыщая

его потускневшее посмертное существование смыслом. Через месяц «зона эмоционального заражения» вокруг его могилы сократилась на 70%. Через два — он сам начал «натаскивать» других потерянных духов на базовые навыки астрального ремесла.

Профессор Морвент ставил мои работы в пример. «Обратите внимание, как мистер Джеральд использует не магическое принуждение, а систему стимулов. Он не ломает волю духа, он перенаправляет её. Это дешевле, эффективнее и этичнее с точки зрения долгосрочного сотрудничества». Слово «этично» в его устах звучало как «рентабельно».

Я стал звездой курса. Не яркой, не харизматичной, но уважаемой. Ко мне приходили за советом: как структурировать договор с полтергейстом, как рассчитать оптимальную «нагрузку» на призрачного сторожа, как мотивировать духа-скряги расстаться с накопленной астральной энергией. Я помогал. Мне нравилось помогать. Нравилось видеть, как хаотичная, страдающая сущность встраивается в чёткую, понятную схему и начинает приносить пользу. Это была та же самая удовлетворённость, что я испытывал, наводя порядок в заброшенном отделе библиотеки, только в тысячу раз сильнее.

Ближе к концу семестра, Морвент объявил о дипломных проектах.

— Это будет вашей визитной карточкой в профессиональном сообществе, — сказал он, обводя зал взглядом. — Вы-

бейте объект сложный, «безнадёжный». Тот, от которого отказались другие. Ваша задача — не просто навести порядок. Ваша задача — продемонстрировать, как из самого безнадёжного актива можно извлечь прибыль. Или, на худой конец, минимизировать убытки. Успешные проекты получают реальное финансирование от инвесторов «Сумрака».

Список «проблемных активов» висел в холле. Большинство рвануло к листам с описанием старых замков с привидениями или заброшенных больниц с геопатогенными аномалиями — местам с потенциалом для туризма ужасов. Я же пробился к самому концу списка. Туда, где висели действительно безнадёжные дела.

И нашёл его. «Склеп семейства Греймов. Расположение: старое городское кладбище, сектор заброшенных фамильных усыпальниц. Проблема: устойчивый очаг «призрачного гриппа» (эмоциональное заражение, вызывающее у живых апатию, ангину и ночные кошмары), непрогнозируемые выбросы «холодного отчаяния», дестабилизирующие астральный фон района. Предыдущие попытки «зачистки» (три некроманта Пятого Кольца, один экзорцист Церкви Серебряного Пламени) успеха не имели. Признано экономически нецелесообразным для дальнейших вложений. Статус: рекомендовано к полному астральному карантину и последующему физическому сносу».

Что-то ёкнуло у меня внутри. Не жалость. Нет. Это был азарт охотника, увидевшего самую сложную головоломку.

«Признано экономически нецелесообразным». Эти слова были для меня вызовом. Я оторвал листок и понёс его Морвенту.

— Я беру это, — сказал я, кладя бумагу на его полированный стол.

Он взглянул, и брови его поползли вверх.

— Склеп Греймов? Джеральд, это не проект, это профессиональное самоубийство. Там не просто несколько неприкаянных духов. Там — культура. Культура уныния, отчаяния и семейных разборок, продолжающихся второе столетие. Это чёрная дыра, пожирающая время, ресурсы и рассудок.

— Именно поэтому, — ответил я. — Если я смогу систематизировать и монетизировать даже это, никакой другой проект не будет для меня проблемой.

Морвент смотрел на меня долго, его ледяные глаза пытались проникнуть вглубь. Потом уголки его губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем уважение.

— Амбициозно. Глупо. Но амбициозно. Хорошо. Вы получите стандартный грант на материалы и моё неофициальное любопытство. Не разочаруйте меня.

Первый визит в склеп Греймов едва не стал последним...

Усыпальница была не просто заброшена. Она была больна. Небольшое, когда-то величественное сооружение из почерневшего гранита тонуло в зарослях крапивы и чертополоха. Воздух вокруг был тяжелым, будто выпитым, и на вкус

отдавал медной монетой и пылью. Даже птицы не пели поблизости.

Я открыл кованую дверь, от которой остались ржавые петли, и шагнул внутрь. Холод ударил не по коже, а сразу по костям, по душе. И тишина... это была не тишина библиотеки. Это была тишина затопленного склепа, полная подавленных стонов, которые слышишь не ушами.

Внутри было просторно. В нишах вдоль стен стояли саркофаги с разбитыми крышками. Посредине — большое надгробие семейства, и повсюду — они.

Неясные очертания в полумраке. Пятна холода, движущиеся против сквозняка. Отголоски шёпота, сплетающиеся в невнятный, тоскливый хор. Я почувствовал, как моя собственная воля, моё желание порядка начали растворяться в этом море всепоглощающего «не-хочу». Меня окутывала апатия такой силы, что мысль о том, чтобы сделать ещё шаг, казалась титаническим подвигом. Это и был «призрачный грипп» — не болезнь тела, а инфекция духа.

Я зажёл подготовленную ароматическую свечу с полынью и кедром — не для ритуала, а как базовый очиститель воздуха. Запах пробил смрад уныния, но ненадолго. Сел на холодный каменный пол, спиной к двери, закрыл глаза и не стал сопротивляться. Я позволил волне отчаяния прокатиться через меня, не пытаясь её остановить, а лишь отмечая её свойства, как метеоролог отмечает данные шторма.

Это было не единое целое. Это был конгломерат. Несколь-

ко сильных, ярких узлов страдания, вокруг которых вились более слабые, затухающие эхо. Я сосредоточился на самом мощном из них. Он исходил от центрального надгробия. Это был не просто шум. Это была петля: бесконечное прокручивание одного и того же момента — момента глубокого унижения, публичного краха. Лорд Артур Грейм. Я почувствовал его имя, его титул, его незаживающую рану: крах семейного банка, насмешки бывших друзей, невозможность смотреть в глаза семье. Он не мог отпустить это. Он консервировал свой позор, лелеял его, как единственное, что у него осталось.

Рядом — другой узел, поменьше, но более колючий. Ле-ди Эланор. Скука. Невыносимая, всепоглощающая скука загробной жизни. Она была привязана к нему, к этому вечно-му нытику, и её собственная индивидуальность тонула в его бесконечной драме. Она жаждала чего-то. Новости. Смены декораций. Любого события, кроме этого застывшего марева стыда.

И третий. Слабый, прерывистый, как сигнал из-под толщи льда. Сын. Альберт. Поэт. Умерший от чахотки в двадцать два года, так и не услышав ни одного доброго слова о своих стихах. Его страдание было тихим, но глубоким — чувство ненужности, непризнанности.

Я просидел так несколько часов, пока свеча не догорела. Когда я вышел на улицу, первый луч утреннего солнца показался неприличным, слишком ярким вторжением в царство

вечных сумерек. Но у меня в блокноте уже были наброски.

Не «духи, требующие изгнания». А персонал.

Проблемный, демотивированный, застрявший в корпоративной культуре токсичного пессимизма, но — персонал. С нарастращенным потенциалом.

На следующую ночь я пришёл не один. Я принёс с собой три вещи. Во-первых, старый, но исправный фонограф с восковым цилиндром, на который я записал отрывки из исторических хроник о взлёте и падении банкирского дома Греймов — не сами факты краха, а моменты его бывшего величия, речи о доверии, уважении. Во-вторых, пачку модных журналов десятилетней давности — всё, что смог найти в библиотечных завалах. В-третьих, тоненький сборник плохих, наивных, но искренних стихов начинающего поэта (не Альберта), который я отыскал в отделе местных авторов.

Я установил фонограф у надгробия лорда Артура, завёл его и ушёл в дальний угол, маскируя своё присутствие. Из рупора полились сухие, официальные, но полные бывшего авторитета строки: «...и дом Греймов продолжил традиции финансовой стабильности, заслужив доверие короны...»

В склепе что-то дрогнуло. Холодный узел, бывший лордом Греймом, сжался, потом потянулся к звуку. Это было не изгнание. Это была приманка. Приманка из того, чего ему не хватало больше всего: уважения, значимости.

Журналы я разложил у саркофага леди Эланор, открыв на страницах с описанием светских раутов и новых тенденций

в интерьере. А сборник стихов положил на плиту, под которой, как я предполагал, покоился Альберт.

Я не ждал чуда. Сел и снова начал слушать, вести записи. Но на сей раз хаос начал структурироваться. Шёпот лорда Артура стал чуть громче, в нём появились ноты не только стыда, но и гордости? Леди Эланор перестала просто ныть — её энергия теперь металась между журналами, выхватывая образы платьев, описания обедов. А слабый сигнал Альберта окреп, в нём появился отзвук удивления — кто-то ещё писал так же плохо и искренне?

Через неделю таких «сеансов стимуляции» я рискнул на контакт. Не через медиума, а напрямую, направив в каждый узел чёткий, структурированный мысленный запрос, как заполняющую анкету.

Лорду Артуру: «Ваши управленческие навыки в условиях кризиса неопределимы. Требуется администратор для распределения ограниченных ресурсов (астральной энергии) среди населения данного объекта с целью повышения общей эффективности».

Леди Эланор: «Требуется руководитель отдела по связям с общественностью и организации досуга. В ваши задачи будет входить создание и поддержание позитивного информационного фона, организация коммуникативных практик среди существей».

Альберту: «Требуется специалист по созданию контента. Адаптация исторического и эмоционального материала ло-

кации в форматы, доступные для восприятия живым посетителям».

Я не спрашивал. Я предлагал вакансии.

Потрясённо наблюдал, как склеп начал меняться. Не сразу. Сначала были всплески возмущения (особенно от лорда Артура), волны скепсиса, попытки вернуться в привычное болото отчаяния. Но семена были брошены. Лорд Артур, не в силах сопротивляться предложению, которое льстило его уязвлённому тщеславию, начал нехотя, но методично «учитывать» энергетические потоки других духов. Он нашёл своё место. Леди Эланор, с жадностью ухватившись за возможность что-то организовывать, начала налаживать подобие общения между другими, более слабыми призраками склепа, пресекая бессмысленное нытьё и направляя его в русло «обмена воспоминаниями». Она создала нечто вроде салона. Альберт, дрожа от страха и волнения, начал складывать из обрывков памяти, подслушанных шёпотов и собственных давних порывов нечто вроде... экскурсионного сценария.

Я не изгонял отчаяние. Я дал ему работу. Отчаяние, к своему собственному изумлению, взялось за неё.

Через месяц «призрачный грипп» отступил. Холод в склепе остался, но он стал ровным, управляемым, почти комфортным — как кондиционирование воздуха. Слухи о «чуде» в склепе Греймов поползли по академии. Ко мне зачастили однокурсники, желающие посмотреть на «безнадёжное дело», превращающееся в образцово-показательный объект.

Мне же было мало просто навести порядок. Теперь, когда система работала, я видел её потенциал. И начал разрабатывать франшизу.

Глава 5

Успех — штука заразительная. Как только склеп Греймов перестал быть астральной язвой и превратился в образцовый объект с отлаженными внутренними процессами, ко мне потянулись не только любопытные однокурсники, но и те, кого профессор Морвент называл «заинтересованными сторонами». Тени в дорогах костюмах, пахнущие не озоном и полую, а дорогим табаком и холодным расчётом. Они приходили, осматривали склеп, измеряли специальными циферблатами «индекс астральной стабильности» и «уровень позитивной энергоотдачи», щёлкали языками и уходили, оставляя визитки с названиями фондов и инвест-групп с мрачными, но внушительными именами вроде «Вечный Феникс» или «Консорциум Посмертного Развития».

Именно тогда я понял, что простого «наведения порядка» недостаточно. Чтобы привлечь реальные инвестиции, нужен продукт. Чёткий, упакованный, масштабируемый. Нужна франшиза.

Я назвал её «Грейм & Великолепие». Не просто «склеп с привидениями». Цель была в том, чтобы создать первый в городе (а может, и в стране) полноценный «парк памяти» с интерактивным наполнением и чёткой бизнес-моделью.

Я провёл бессонную неделю за чертежами, расчётами и переговорами с моим новым «персоналом».

Лорд Артур, окрепший, наполненный важностью от своей новой должности «Управляющего астральными ресурсами», встретил идею с подозрением.
 — Франшиза? — его голос, который я теперь слышал не как шёпот, а как ясный, сухой звук в голове, был полон скепсиса. — Вы хотите тиражировать наш... наш семейный склеп? Сделать из нашей вечной обители аттракцион?

 — Не аттракцион, милорд, — отвечал я мысленно, стоя перед его надгробием с планшетом, на котором были наброски. — Мы создаём прецедент. Превращаем место забвения и скорби в центр культурного и духовного обмена. Ваше семейство станет первопроходцем. Пионерами новой, осмысленной формы посмертного существования.

Этот аргумент сработал. Пионеры. Первопроходцы. Лорд Артур обожал всё, что возвращало ему статус.
 — Продолжайте, — буркнул он, но в его тоне чувствовалась заинтересованность.

Леди Эланор была в восторге.
 — Новые гости? Новые события? О, мистер Джеральд, это же чудесно! Я уже продумала программу для первых посетителей. Можно устроить «чайную церемонию воспоминаний» в северной нише. Я помню, как подавали чай при дворе герцога Лоренца...
 — Прекрасная идея, леди Эланор, — одобрил я. — Именно такие детали и создадут уникальную атмосферу. Вы будете главным по культурным программам.

С Альбертом было сложнее.
 — Мои стихи... их бу-

дут слушать посторонние? — его мысленный голос дрожал от страха и надежды.
 — Не просто слушать, Альберт. Они станут частью театра. Вы будете вести «Ночные поэтические бдения». Не для всех. Для избранной, понимающей аудитории. Ваши слова станут мостом между мирами.

Он замолчал, но я почувствовал, как его слабое свечение стало чуть ярче, теплее.

Разрабатывая франшизу, я опирался на принципы, почерпнутые в библиотеке: всё должно быть систематизировано, каталогизировано и доступно для воспроизведения.

1. Зонирование.
 Физическое пространство склепа делилось на зоны:

«Тихая Гавань» — место для традиционного поминовения, с ровным, нейтральным астральным фоном. Для тех, кто просто хотел побыть наедине с мыслями.

«Салон Леди Эланор» — зона «живого» общения (через медиума или чувствительных посетителей) с духами, тематические вечера, «исторические сплетни».

«Кабинет Управляющего» (у надгробия лорда Артура) — здесь можно было «заказать» услугу: астральное благословение на начинание (для бизнесменов), совет в сложной ситуации (Артур, как бывший банкир, неожиданно хорошо разбирался в оценке рисков).

«Поэтический Грот» Альберта — затемнённая ниша, где при свечах (настоящих и астральных) звучали его стихи, наложенные на тихую, меланхоличную музыку, которую я до-

говорился записать с одним студентом-сиреной.

«Лавка Сувениров» — виртуальная, пока что. Но в планах были ампулы со «сгустками ностальгии» (безопасно стабилизированные эмоциональные всплески), «портреты предков от леди Эланор» (астральные зарисовки, сделанные ею же) и даже «стихи-предсказания» от Альберта, записанные на пергаменте, пропитанном мерцающей пылью с его надгробия.

2. Монетизация.
 Я расписал несколько потоков доходов:

Входной билет базовый — доступ в «Тихую Гавань».

Билет «Погружение» — доступ в интерактивные зоны, сеанс общения с одним духом на выбор.

Абонемент «Вечная Подписка» — для семей, желавших «закрепить» за собой место в склепе (с гарантией ухода и включения их предка в «социальную жизнь» склепа после смерти).

Продажа сувениров и услуг.

Проведение закрытых мероприятий: корпоративы для магов, свадьбы для любителей острых ощущений, тематические экскурсии.

3. Масштабирование.
 Франшиза «Грейм & Великолепие» предполагала не клонирование склепа, а набор принципов и инструментов для «реабилитации» подобных мест. Пакет включал в себя:

Методичку по астральному аудиту (моя разработка).

Стандартные шаблоны «трудовых договоров» с духами разных типов (скептик, скучающий, творческий, агрессивный).

Дизайн-проект зонирования для склепов разной площади.

Скрипты для экскурсоводов-медиумов.

Готовую маркетинговую кампанию: «Смерть — это не конец карьеры. Это повышение!»

Когда я представил черновой вариант франшизы профессору Морвенту, он не сказал ни слова в течение целой минуты, просто перелистывал страницы, его лицо было каменным. Потом он откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и посмотрел на меня.
— Джеральд, — произнёс он наконец. — Вы перешли все границы. Между гениальностью и безумием, между цинизмом и прагматизмом. Вы создали не просто бизнес-план. Вы создали... философию. Философию управляемой, оптимизированной загробной жизни. Это либо сделает вас самым богатым выпускником «Сумрака» за последнее столетие, либо... вас сожрут более консервативные коллеги с костями и треском. Вероятно, и то, и другое.

— Я просто систематизировал имеющиеся ресурсы, профессор, — ответил я.
— Нет, — он покачал головой. — Вы создали новый ресурс. Вы превратили вечный покой в сферу услуг. Защита вашего диплома станет не просто экзаменом. Это будет презентация для инвесторов. Готовьтесь.

Последний месяц перед защитой прошёл в бешеной ак-

тивности. Я не просто писал теорию. Я готовил демонстрацию. С помощью студентов с факультета иллюзий мы создали голографическую модель склепа, где разные зоны светились разными цветами. С Альбертом и медиумом-первокурсницей мы отрепетировали небольшой отрывок из его «Ночи в Склепе». Леди Эланор с восторгом продумала «дресс-код» для духов-участников презентации (невидимый, но она была уверена, что это важно). Лорд Артур потребовал отдельный слайд в презентации, посвящённый его управленческой роли.

И вот настал день. Защита дипломных работ обычно проходила в актовом зале. Мою перенесли в сам склеп Греймов.

К вечеру у почерневшего гранита собралась толпа. Были почти все студенты нашего курса, преподаватели других кафедр, скептически хмурящиеся некроманты старой закалки, и несколько тех самых «теней» в дорогих костюмах — инвесторы. Воздух гудел от низких голосов. Ожидание было не академическим, а как перед премьерой странного, но многообещающего спектакля.

Я стоял у входа, в новом, купленном на первый гонорар костюме темно-серого цвета. В руках — не свиток, а тонкий хрустальный планшет с презентацией. Сердце билось ровно и гулко. Не от страха. От предвкушения запуска сложного, отлаженного механизма.

Профессор Морвент, исполнявший роль формального оппонента, поднял руку, и толпа затихла. — Коллеги, го-

сти, — начал он. — Сегодня мы станем свидетелями не защиты диплома. Мы станем свидетелями... прецедента. Мистер Джеральд взял объект, признанный безнадёжным, и не просто исправил положение. Он пересмотрел саму парадигму нашего взаимодействия с посмертным существованием. Я передаю слово ему.

Я кивнул, сделал шаг вперёд и включил планшет. Над склепом вспыхнула голографическая карта, демонстрирующая «до» и «после». Зоны хаотичных, больных энергий сменились чёткими, цветными блоками. — Уважаемые присутствующие, — мой голос, к моему удивлению, звучал уверенно и чётко, без привычной хрипоты. — То, что вы видели здесь ранее, было не проявлением злой воли, а следствием плохого менеджмента. Неконтролируемые эмоциональные выбросы, отсутствие структуры, тотальная демотивация персонала. — Я указал на склеп. — Сегодня я представляю вам не просто реабилитированный объект. Я представляю вам первую в мире франшизу осмысленного посмертного бытия — «Грейм & Великолепие».

Я начал водить. Вместо сухих отчётов, я предоставил слово своим «сотрудникам».

Мы начали с «Тихой Гавани». Я пригласил внутрь пожилую пару, потерявшую сына — реальных людей, с которыми я договорился заранее, предложив им бесплатный сеанс. Они вошли, сели на каменную скамью в зоне, где царил искусственно поддерживаемый покой. Через несколько минут

женщина вытерла слезу и прошептала. — Здесь... так спокойно. Как будто он наконец отдохнул.

Это был не спектакль. Это был результат точной настройки астрального фона.

Затем — «Салон Леди Эланор». Наша медиум-первокурсница, девушка с бледным лицом и огромными глазами, вошла в центр склепа и изменилась. Её поза стала горделивой, взгляд — оценивающим. Когда она заговорила, голос был другим — светским, немного усталым, но полным интереса.
— Добрый вечер, дорогие гости. Позвольте рассказать вам о моде на кринолины при дворе, которую, к сожалению, так и не оценили в этой дыре при жизни...
Зрители заморожено слушали. Это была не одержимость, а чёткий, контролируемый канал. Леди Эланор блистала, наслаждаясь вниманием.

Потом настал черёд лорда Артура. Медиум сменила позу, выпрямилась, её лицо стало жестче.
— Стабильность,
— прозвучал сухой, отчётливый голос. — Основа всего. Без чёткого распределения ресурсов любая система обречена на коллапс. Я контролирую потоки энергии, не допуская перекосов. Каждый дух знает свою функцию и получает за неё стимул.
Рядом на отдельном столике я установил прибор, показывавший график астральной стабильности в реальном времени. Линия была почти идеально ровной.

И, наконец, Альберт. Медиум ушла в тень «Поэтического Грота». Голос сменился на тихий, проникновенный, полный

дрожи.
 — ...И тени здесь не меркнут, а длятся,
Как строки, что не дописаны в срок.
 Мы — призраки,
чья повесть не свершилась,
 Но в вашем мире ищется
наш срок...

Стихи были, честно говоря, посредственными. Но в этой обстановке, поданные таким голосом, они производили эффект. В толпе воцарилась тишина, некоторые вытирали глаза. Альберт дарил им не страх, а грусть. Грусть, которую можно было продать.

После демонстрации я вернулся к голограмме, показывая схемы монетизации, потенциальную рентабельность, план масштабирования франшизы. Говорил о «пакете под ключ» для владельцев старых кладбищ, о сотрудничестве с ритуальными агентствами, о создании сети «Осмысленных Некрополей».

Когда я закончил, тишина повисла на несколько секунд, а потом взорвалась. Не аплодисментами — хотя они тоже были, — а гулом обсуждений, вопросами, выкриками. Преподаватель старой школы, морщинистый некромант в потрёпанной мантии, кричал что-то о «кошунстве» и «опрофанации великой тайны». Но его голос тонул в хоре других.

Инвесторы окружили Морвента, что-то живо обсуждая, кивая в мою сторону. Барнаби, тучный алхимик, с сияющим лицом пробился ко мне и хлопнул по плечу.
 — Мальчик, ты гений! Я вкладываюсь! Первый инвестор! Мы сделаем сеть по всему континенту!

Лиресса стояла чуть поодаль, её красные глаза сияли холодным одобрением. — Не ожидала от библиотечной мыши такого размаха, — сказала она. — Поздравляю. Теперь ты не просто звезда курса. Ты — бренд.

Ко мне подошёл профессор Морвент. Толпа расступилась перед ним. Он остановился, осматривая сияющий, почти уютный склеп. Призрак лорда Грейма (видимый теперь для всех через специальные линзы, которые я раздал зрителям) важничая «раздавал» невидимые «бонусы» в виде лёгкого, приятного морозца в зоне «Кабинета». Леди Эланор невидимо суежилась вокруг гостей, а Альберт тихо дочитывал свой цикл в углу.

— Вы не просто навели порядок, мистер Джеральд, — сказал Морвент, и в его голосе впервые за всё время прозвучало нечто, отдалённо напоминающее искреннее восхищение. — Вы создали культуру. Новую культуру смерти. Вы показали, что смерть — не конец карьеры. Это просто... переход в другой отдел. С возможностью роста и соцпакетом.

Он подошёл ко мне и положил руку на плечо. Его пальцы, как всегда, были холодными, но я уже не вздрагивал.

— Вы — не просто звезда моего курса, Джеральд. Вы — его квинтэссенция. Вы видите структуру в хаосе, потенциал в тлении, прибыль в вечном покое. Что вы чувствуете сейчас? — Он смотрел мне прямо в глаза, и в его ледяных глубинах отражалось пламя чёрных свечей, зажжённых в нишах для атмосферы.

Я огляделся. Меня окружали не ужас и не тайна. Меня окружали довольные «клиенты» (призраки), заинтригованные зрители, подсчитывающие прибыль инвесторы и чёткие, красивые схемы моей голограммы. В груди пело странное, тёплое, глубокое чувство. Не тёмный восторг мага, прикоснувшегося к вечности. Не торжество триумфатора. Это была глубокая, спокойная, почти блаженная удовлетворённость инженера, который взял грудку хлама, разобрал её на винтики, собрал обратно в идеальный механизм и теперь слышит его ровное, уверенное тиканье.

— Я чувствую... что всё на своих местах, профессор, — ответил я тихо, но твёрдо. — Система работает.

— Именно, — прошептал Морвент, и его губы растянулись в широкой, почти человеческой улыбке. В его глазах отразилось не только пламя свечей, но и отсветы будущего — будущего, где смерть будет аккуратной, прибыльной и хорошо организованной отраслью. — Добро пожаловать в индустрию, Джеральд. По-настоящему.

Поздно вечером, возвращаясь уже не в свою старую конуру, а в просторную, стильную квартиру в престижном районе, выделенную мне как перспективному выпускнику «Сумрака», я проходил мимо старого кладбища. Того самого, что было у самых стен академии.

Раньше я видел в нём сад тихих драм, театр личных трагедий, застывших в камне и тени. Место для размышлений о бренности.

Теперь я видел другое. Неудачное зонирование: смешение агрессивных и унылых духов ведёт к конфликтам и потерям энергии. Устаревшую модель взаимодействия с «клиентами»: полное отсутствие обратной связи и мотивации. Огромный, нераскрытый потенциал: удачное расположение, близость к академии, возможность создания тематических маршрутов — «Некрополь магов», «Аллея воинов», «Сад поэтов».

Я остановился, достал тонкий серебряный стилус и набросал на экране коммуникатора первые мысли: «Проект «Феникс». Реорганизация Старого Городского кладбища. Концепция:...»

Я улыбнулся. Лёгкая, уверенная улыбка человека, который нашёл своё призвание. Я был успешен. Я был признан. У меня были планы, и я был счастлив.

Глава 6

Успех пахнет старым пергаментом, воском для полов и озоном после чистовой астральной зачистки. Это был запах моей новой жизни, и я вдыхал его полной грудью, стоя на пороге офиса «Грейм & Великолепие, ООО».

Не склеп. Офис. Просторный лофт в старом квартале Нижнего Города, над бывшей скорняжной мастерской. Высокие потолки с открытыми балками, кирпичные стены, защищенные от столетий копоти и теперь подсвеченные холодным неоновым светом. На одной стене – голографическая карта города с помеченными «точками интереса»: кладбища, склепы, места массовых смертей. На другой – огромная доска с графиками: «Рост астрального трафика», «Конверсия скорби в подписки», «Средний чек на “Погружение”». В центре стоял длинный стол из чёрного стекла, вокруг него – несколько эргономичных кресел. Ни намёка на готику. Только эффективность.

– Вот твой инкубатор, Джеральд, – произнёс у меня за спиной бархатный голос. Я обернулся. Профессор Морвент, вернее, теперь мой бизнес-партнёр Алоизий Морвент, осматривал помещение с видом садовника, любующегося взошедшими семенами. На нём был безупречный костюм из ткани, которая, казалось, поглощала свет. – Здесь будут рождаться не духи, а идеи. Мёртвые идеи о том, как лучше

жить... ну, или существовать после жизни.

– Это впечатляет, профессор, – сказал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем когда-либо. – Спасибо за... доверие.

– Доверие – это инвестиция с расчётом на ROI, – парировал он, подходя к карте. Его палец ткнул в один из мерцающих значков – Старое Городское кладбище. – Твой “Феникс”. Застолбили. Инвесторы “Вечного Феникса” в восторге от концепции. Но теперь начинается настоящая работа. У тебя есть идеи, но нет команды. Романтики-одиночки терпят крах на этапе масштабирования.

Дверь офиса открылась с лёгким шипящим звуком. На пороге стояли двое. Я узнал их сразу.

– Разрешите представить ваш операционный штаб, – Морвент сделал театральный жест. – Лиресса Вейн – ваш директор по маркетингу и... особым коммуникациям.

Вампиресса вошла, её каблуки отстукивали чёткий, безжалостный ритм по бетонному полу. На смену строгому костюму пришло что-то столь же сдержанное, но смертельно элегантное: платье-футляр цвета запёкшейся крови, короткий жакет. Её алые губы растянулись в улыбке, не скрывающей клыков.

– Библиотекарь, – кивнула она мне. – Смотрю, ты не закопал свой талант в архивах. Отлично. Мне нравятся амбициозные проекты. И пахнут они... многообещающе. – Её взгляд скользнул по моей шее на долю секунды дольше, чем того требовала вежливость.

– И Барнаби Грюм – ваш финансовый директор и главный по закупкам... сырья.

Тучный алхимик вкатился в офис, наполняя пространство запахом дорогого одеколона, формалина и... жареной колбасы? Его костюм, кричаще дорогой, был в пятнах неопределённого происхождения. На толстых пальцах поблёскивали перстни, один из которых был явно сделан из коренного зуба какого-то крупного существа.

– Мальчик-молодец! – просипел он, хватая мою руку в свою влажную, цепкую лапу. – Ты раскрутил историю про плотника-призрака, а я уже вижу целую линейку “Ностальгических инструментов”! Лезвие рубанка, закалённое в слезах раскаяния! Топор, хранящий ярость недопиленной сосны! Продавать будем столярам-маньякам, коллекционерам... Цена – заоблачная!

Я медленно высвободил руку, чувствуя лёгкую тошноту, которую тут же подавил холодным внутренним расчётом. *Эмоциональная реакция неэффективна. Барнаби — ресурс. Неприятный, но эффективный.*

– Рад работать с профессионалами, – сказал я, обращаясь к обоим. – Моя концепция – это каркас. Вам предстоит нарастить на нём плоть и кровь. Или... что там у вас, Лиресса?

Она рассмеялась – звук, похожий на звон хрустального бокала.

– О, милый, у меня есть всё, что нужно для убеждения. От подслащённых полуправд до... прямых указаний. Наша

целевая аудитория – не только живые мечтатели, но и те, кто контролирует доступ к нашим... будущим сотрудникам. – Она кивнула в сторону карты. – Совет старейшин на Старом кладбище. Семейные союзы на погостах. Они консервативны. Их нужно или купить, или... мотивировать.

Морвент занял место во главе стола. Мы сели. В воздухе повисло напряжение, но иное, чем в аудитории. Здесь пахло не озоном знаний, а озоном предстоящей сделки.

– Итак, “Феникс”, – начал Морвент, и на столе всплыла голограмма проекта. – Старое Городское кладбище. Тридцать гектаров хаоса. Более двухсот документированных активных духовных сущностей, семь геопатогенных аномалий, два стихийных коридора памяти, используемых бродячими полтергейстами как общежитие. Текущий статус: убыточный городской актив. Задача команды “Грейм & Великолепие”: провести реорганизацию, повысить астральную капитализацию территории на 300% за квартал и подготовить почву для запуска премиум-франшизы. Джеральд, стартовая точка?

Все взгляды устремились на меня. Я почувствовал знакомое ущемление в груди – не страх, а сосредоточенность. Это был тот же самый импульс, что заставлял меня раскладывать книги по полкам. Только полки теперь были размером с кладбище, а книги кричали, плакали и цеплялись за свою пыль.

– Совет старейшин, – сказал я уверенно. – Они – ключ. Это неформальное объединение самых старых и сильных ду-

хов. В основном – бывшие городские чиновники, магистры гильдий, уважаемые матроны. Они не хотят перемен. Они хотят покоя. Вернее, они хотят, чтобы всё оставалось в их вечном, скучном, предсказуемом болоте. Мы не можем их игнорировать. Мы должны... предложить им сделку.

– Скупка душ? – похабно подмигнул Барнаби, потирая руки.

– Реструктуризацию, – поправил я. – Мы предлагаем им не деньги. Мы предлагаем им то, что ценнее для призрака: статус, признание и... смысл. Они становятся не просто старыми духами. Они становятся... Правлением. Консультативным советом нашего “Феникса”. С правом вето на некоторые изменения, с почётными титулами, с выделенными для них “историческими зонами”, которые мы не тронем. Мы легализуем их власть, но встраиваем её в нашу систему.

Лиресса присвистнула – тихо, почти неслышно для человеческого уха. – Холодно и умно. Дать им иллюзию контроля, пока мы выстраиваем структуру вокруг. А если не согласятся?

– Тогда, – голос Морвента прозвучал как удар хлыста, – мы применяем план “Б”. Лиресса, ваша зона ответственности. Найди среди них самого слабого, самого недовольного, самого жадного. Создай фракцию. Раскол. А потом... предложи альтернативу. Только уже на наших условиях. Жёстких.

Я почувствовал, как что-то внутри меня сжалось. *План*

“Б”. Раскол. Манипуляция. Это было... эффективно. Но это была та самая грань, переступая которую, ты уже не библиотекарь, наводящий порядок. Ты – менеджер, ломающий чужую волю.

– Джеральд? – Морвент пристально смотрел на меня. Его ледяные глаза, казалось, видели самую глубину той тёмной кладовой. – Сомнения – роскошь, которую мы не можем себе позволить. Ты видел хаос. Ты знаешь, как его упорядочить. Иногда для того, чтобы построить идеальную систему, старые, прогнившие стеллажи нужно... не просто передвинуть. Их нужно разобрать. Это и есть управление.

Он был прав. Хаос на кладбище был расточителен, жесток, бессмыслен. Моя система давала духам цель, структуру, даже подобие социального пакета. А ради великой цели... разве недопустимы малые компромиссы?

– Нет сомнений, профессор, – сказал я, и мои слова прозвучали как обет. – Я составлю список членов Совета и анализ их посмертных мотиваций к утру. Барнаби, мне нужна смета на создание “мемориальных ниш повышенной комфортности” для потенциальных членов правления. Что-то, что будет визуально выделять их на фоне остальных. Лиреса... готовьте почву для обеих стратегий.

Команда кивнула. Бизнес-молех начал раскручиваться.

После встречи я остался один в опустевшем офисе. Неоновый свет мерцал на голограмме кладбища. Я подошёл к окну. Внизу копошился Нижний Город, грязный, шумный,

живой. А за ним, в вечных сумерках, лежало моё новое царство – царство мёртвых, которое я собирался превратить в образцово-показательный парк развлечений и духовного роста.

Из внутреннего кармана пиджака я достал маленький, завёрнутый в шёлк предмет. Развернул. Это была высохшая, рассыпающаяся лапка того самого паука из библиотеки, того, что сплёл идеальную сеть. Я сохранил её. Сувенир. Напоминание.

О чём?

О тишине? Об искусстве ради искусства? О том времени, когда диалог с вечностью был интимным шепотом, а не презентацией для инвесторов?

Я смотрел на хрупкие останки, и на миг мне показалось, что чувствую тот самый холодный, тонкий, как мысль, контакт. Но это была лишь игра воображения. Искра давно угасла.

– Сентиментальные иллюзии, – прошептал я, повторяя слова из глубины своей души. – Архивный экземпляр. Не подлежит использованию в коммерческих целях.

Я аккуратно, с почти прежней, библиотечной бережностью, завернул лапку обратно в шёлк и убрал в карман. Она была больше не нужна. Но и выбросить её я не мог. Просто... заархивировал.

Повернулся к голограмме, к сияющим схемам и графикам. Сердце билось ровно и мощно, как отлаженный меха-

низм. Была работа. Была система. И впереди – целое кладбище, ждущее своего упорядочивателя.

В глубине, в той самой кладовой, дверь, которую я считал закрытой, приоткрылась на микрон. И оттуда, сквозь толщу идеально расставленных коробок с ярлыками, донёсся едва уловимый, леденящий шёпот, которого я раньше не слышал. Он был похож на скрип пера по пергаменту, на шелест падающей пыли. В нём было всего два слова.

«Самый главный беспорядок... ты.»

Но я не услышал. Я был уже слишком занят. Я смотрел на карту и думал о том, с кого из старейшин начать переговоры.

Глава 7

Первый контакт с Советом Старейшин я назначил не на кладбище. Это была бы их территория, их правила. Нет. Для переговоров я выбрал нейтральную, но символически заряженную площадку – пустующий ритуальный зал старого крематория на окраине «Сада Упокоения». Помещение мрачное, с эхом и запахом старого пепла, но идеально чистое. Я приказал вынести всё лишнее, оставив только длинный овальный стол из чёрного базальта (стилизация под надгробие, но элегантная) и тринадцать кресел. Для них.

Я сидел в кресле, которое условно можно было назвать главным, спиной к пустой, когда-то зияющей топке, теперь задекорированной барельефом с абстрактными, умиротворяющими линиями. Передо мной лежал тонкий хрустальный планшет с досье. Лиресса, невидимая в тени за колонной, следила за астральным фоном. Барнаби ворчал где-то в подсобке, «настраивая оборудование для создания благоприятного впечатления». По сути, это был дорогуший диффузор, распыляющий в воздух микрочастицы серебра, ладана и слабого нейростимулятора, вызывающего у живых чувство благоговения, а у мёртвых – лёгкую, приятную апатию.

Они пришли ровно в полночь.

Не через дверь. Воздух в зале сгустился, помутнел, буд-

то в комнату впустили туман с реки забвения. Температура рухнула так резко, что на базальтовом столе выступил иней причудливыми узорами. Затем в тумане замерцали огоньки – не яркие, а тусклые, как угасающие угли. Их было тринадцать. Они плыли к столу и над каждым креслом обретали форму.

Не полноценные призраки. Скорее, сгустки намерения, облики, сотканные из памяти и самоощущения. Вот передо мной материализовалась фигура в мундире городского стража двухсотлетней давности – прямой, негнувшийся, с лицом, изъеденным не болезнью, а вечной подозрительностью. Это был капитан Вальтер. Рядом – тучная тень в пышных, вышедших из моды одеждах, матрона Гильдии торговцев тканями, мадам Лизбет. Её «взгляд» был тяжёл и оценивающий. Дальше – сухонький старичок с руками, вечно сложенными для молитвы, бывший архивариус и мелкий религиозный фанатик брат Теобальд. И другие. Совет.

Они молчали. Их тишина была не отсутствием звука, а давлением. Это была тишина могильного холма, под которым лежат тонны земли.

Я поднялся. Не кланяясь – это была бы слабость. Просто встал, выпрямившись, и встретился «взглядом» с капитаном Вальтером, который, судя по досье, был негласным лидером.

– Уважаемые старейшины, – мой голос, усиленный магией и акустикой зала, прозвучал ровно и ясно, без тени просьбы. – Благодарю вас за то, что вы приняли моё приглашение. Я –

Джеральд. И я здесь, чтобы говорить о будущем вашего дома.

- Дом... – прошелестел голос, вернее, мыслеформа мадам Лизбет. Она была похожа на скрип несмазанных колес похоронной колесницы. - *Наш дом – это покой. Вечный. Незыблемый. Ты и те, кто за тобой, приносите с собой... шум. Перемены. Это недопустимо.*

- Покой, который вы называете домом, мадам, медленно умирает, – парировал я. – И я говорю не о метафоре. Геопатогенные аномалии расширяются. Бродячие полтергейсты разворачивают астральную энергию, предназначенную для вас. Интерес живых к месту падает. Скоро вас объявят зоной бедствия и наложат карантин. Или того хуже – начнёт работу команда экзорцистов Церкви Серебряного Пламени с их... радикальными методами очистки.

Я сделал паузу, позволив образу пламени и святой воды повиснуть в астрале. От брата Теобальда донеслась волна страха и ненависти. Он ненавидел церковь почти так же сильно, как и любые новшества.

- *Ты предлагаешь себя в качестве... альтернативы? –* мысль капитана Вальтера была острой, как штык. - *Маленький выскочка из библиотеки. Мы видели твои игры со склепом Греймов. Ты превращаешь вечность в балаган.*

- Я превращаю хаос в порядок, – ответил я, и в голосе моём зазвучали стальные нотки, которых раньше не было. – Я предлагаю не балаган, а новое общество. У вас есть власть, но нет инструментов. У вас есть статус, но никто, кроме вас

самих, его не признаёт. Я легализую и то, и другое.

Я коснулся планшета. Над столом всплыла голограмма – не карта кладбища, а схема управления будущим «Фениксом». В самом верху пирамиды светился блок: «Правление и Консультативный Совет Старейшин».

- Вы становитесь официальным руководящим органом, – объяснял я, водя пальцем по сияющим линиям. – Ваша зона – Исторический Квартал. Территория, неприкосновенная для радикальных изменений. Вы утверждаете все новые проекты. Вы распределяете квоты на астральную энергию среди... менее дисциплинированных духов. Вы получаете приоритетный доступ к каналам связи с живыми – через наших медиумов, для ваших личных... нужд. Вам не придётся больше воровать сны у случайных прохожих.

Это была приманка. Сильная. Статус. Контроль. Признание.

- *А цена?* – капитан Вальтер был не дурак. Его «взгляд» сверлил меня. - *Что ты заберёшь взамен? Нашу... покорность?*

- Я заберу ваше неэффективное управление, – сказал я прямо. – Я заберу право вето на проекты, связанные с безопасностью и стабильностью астрального фона. Но в вопросах развития территории, монетизации, взаимодействия с внешним миром – решения принимает оперативное руководство. То есть я и моя команда. Вы обеспечиваете стабильность и историческую преемственность. Мы – рост и процве-

тание.

В зале повисло молчание, но уже иное. В нём чувствовалось не только сопротивление, но и расчёт. Мадам Лизбет оценивала «преференции». Брат Теобальд дрожал от страха перед церковью, но и от жажды хоть какой-то власти. Капитан Вальтер взвешивал риски.

- *И если мы откажемся?* – его мысль была тише, но твёрже стали.

И тут из тени за моей спиной выплыл голос Лирессы. Она не появлялась визуально. Её слова прозвучали прямо в астрал, шёпотом, который был слышен только старейшинам, холодным и сладким, как лезвие, смазанное мёдом.

- Тогда, почтенные, вам придётся иметь дело со мной. И я не буду предлагать вам места в правлении. Я начну с малого. Например, с того внука вашего племянника, что живёт в Верхнем Городе, капитан Вальтер. Такой подающий надежды юноша... Как жаль, если его сны станут беспокойными. Если в его доме поселится лёгкая, но навязчивая прохлада. Если его карьера вдруг пойдёт под откос из-за странной, необъяснимой полосы невезения...

В астрале прокатилась волна леденящего ужаса. Капитан Вальтер сжался, его форма задрожала. Лиресса била в самую болезненную точку – в остаточные привязанности к миру живых, в ту самую нить, которая не давала им окончательно раствориться и которую так легко превратить в удавку.

- А вы, милая мадам Лизбет... Ваша любимая пра-пра-

правнучка выходит замуж на следующей неделе, не так ли? Какое разочарование, если букет увянет, платье порвётся, а жених... увидит в её глазах не радость, а отражение вашего вечного, скучающего лица.

Мадам Лизбет издала звук, похожий на сдавленный визг разрываемого бархата.

Я сидел неподвижно, сохраняя бесстрастное выражение лица. Внутри всё обрывалось. *Это было слишком. Это был прямой шантаж. Это была грязь.* Но другая часть моего мозга, холодная и ясная, констатировала: *Эффективно. Страх – отличный катализатор для сделки.*

- Лиресса, – сказал я вслух, сухо, – мы здесь для конструктивного диалога, не для угроз. Уважаемые старейшины, прошу прощения за... горячность моей коллеги. Но она, к сожалению, иллюстрирует альтернативу. Мир вокруг вас меняется. Вы можете стать его архитекторами в почётной, защищённой нише. Или... вы можете стать его жертвами. В сноссе, который предложит город, или в тихой войне, которую начнём мы. Выбор за вами.

Молчание длилось вечность. Наконец, капитан Вальтер «выдохнул» ледяное облако отчаяния и покорности.

- У нас... есть выбор?

- Всегда, – ответил я. – Просто последствия различаются.

- Мы... обсудим твоё предложение. Между собой.

- У вас есть до рассвета, – сказал я, вставая. Сигнал к окончанию встречи. – Мои представители будут ждать ваше-

го ответа у ворот Исторического Квартала.

Они растворились так же, как и появились, унося с собой холод и чувство тяжёлой, грязной победы.

Когда зал опустел, из тени вышла Лиресса. Она поправила перчатку.

- Ну? – спросила она, сверкая клыками в полумраке. – Доволен? План “А” с сахаром, план “Б” с кнутом... а по факту мы применили и то, и другое.

- Это было необходимо, – сказал я, больше убеждая себя, чем её. Мои руки сжали спинку кресла так, что кости побелели. - Иначе бы они никогда не согласились.

- О, они согласятся, – заверила она. – Страх за потомков – мощнейший стимул даже для призрака. А теперь, дорогой генеральный директор, – она подошла вплотную, её холодное дыхание коснулось моего уха, – самое время задать себе вопрос. Тот, который ты так старательно игнорируешь.

- Какой? – спросил я, не отводя взгляда от пустого стола, где ещё держался иней.

- Где та грань, после которой ты перестаёшь быть гениальным менеджером, – её шёпот был сладок и ядовит, – и становишься просто ещё одним монстром? Только более... аккуратным?

Она рассмеялась и, повернувшись, вышла, оставив меня наедине с холодом, запахом ладана и тяжёлым, неотвеченным вопросом, который повис в воздухе, гуще любого призрака.

Я подошёл к диффузору Барнаби и выключил его. Мне больше не нужны были стимуляторы. Трезвость, пусть и горькая, была теперь моим единственным наркотиком.

В кармане пиджака лежал тот самый свёрток с лапкой паука. Я не достал его. Просто почувствовал его очертания сквозь ткань. Маленький, сухой, мёртвый комочек был единственным напоминанием о том времени, когда слово «монстр» ко мне не относилось.

Или уже тогда относилось? Ведь я давал жизнь нежити из эстетического неприятия хаоса. Разве это не было уже первой, робкой формой монструозности?

Я резко тряхнул головой, отгоняя мысли. Некогда для рефлексии. У меня были договоры для составления, зоны для разметки, команда для управления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.